

А. М. ПАНЧЕНКО

«Переходный век» в трудах В. П. Адриановой-Перетц

Литература XVII столетия была одной из любимых тем в Семинарии русской филологии В. Н. Перетца. Громадное рукописное и печатное наследие «переходного века» представляло собою благодатный материал для систематических, углубленных историко-филологических занятий, для той черновой исследовательской работы, которую так высоко ставил В. Н. Перетц. Увлечение этой эпохой сказалось в самых первых научных опытах В. П. Адриановой-Перетц и затем не покидало ее всю жизнь.

Почти все статьи, написанные В. П. в киевский период, так или иначе касаются XVII в. Некоторые из них прямо посвящены памятникам, возникшим в это время. Так, в статье «К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе»¹ В. П. опубликовала и исследовала русский перевод 1663 г., источником которого была немецкая брошюра начала XVII в., сообщавшая о появлении «вечного жида» Иоанна Буттадеуса Агасфера в Гданьске и других европейских городах. Эту переходную легенду о человеке, оскорбившем Христа на крестном пути и осужденном на вечные скитания, В. П. убедительно связала с русским культурным контекстом: в 60-е годы XVII в. в России, расколотой церковной реформой, многие ждали конца мира и пришествия антихриста. В этой обстановке и был выполнен русский перевод немецкой брошюры, которая некогда отобразила европейские эсхатологические настроения кануна Тридцатилетней войны.

Однако специальное сосредоточение на литературе XVII столетия — скорее исключение, чем правило для ранних работ В. П.² Интересуясь в то время прежде всего «литературной историей» того или иного произведения, В. П. затрагивала проблематику XVII в. лишь косвенно — в той мере, каковая требовалась рукописной традицией. Эта черта присуща статьям о Толковой палее, «Аристотелевых вратах» и Евангелии Фомы, в которых рассмотрена, между прочим, и судьба этих старинных памятников в XVII в.

Это характерно и для монографий В. П. об истории цен на книги в Древней Руси³ и о житии Алексея человека божия (магистерская

¹ ИОРЯС, т. XX, кн. 3, Пгр., 1915, стр. 217—232 и отд. оттиск.

² Исключением можно считать и заметки В. П. по истории «Звезды Пресветлой», опубликованные в кн.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Полтаву и Екатеринослав 1—9 июня 1910 г. Киев, 1910, стр. 16—21, 70—71, 80—99.

³ Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI—XVIII вв. Собрала и обработала В. Адрианова. СПб., 1912.

диссертация).⁴ В первой из них систематизированы чрезвычайно любопытные сведения, касающиеся не только предмета, означенного в заглавии, но и истории книгопечатания, книжной торговли, писцового ремесла. Однако материал, имеющий отношение к XVII в., здесь особо не выделен и существует на равных правах с материалом предшествующего и последующего столетий.

Несмотря на известную факультативность интереса к XVII в., уже в ранних работах проявилась глубокая и всесторонняя осведомленность В. П. в культуре восточнославянского барокко. Об этом наглядно свидетельствует хотя бы магистерская диссертация «Житие Алексея человека божия», в которой исследованы обработки и отражения этого житийного сюжета в многочисленных памятниках разных жанров (кстати говоря, не только в словесном искусстве, но и в иконописи).

Здесь даны превосходные разборы агиографических текстов в «Анфологионе» 1660 г., в печатном Прологе, в «Четых Минеях» Димитрия Ростовского, в составе «Римских деяний» и др. Здесь рассмотрена возрожденная в XVII в. личная проповедь, а именно торжественные слова с использованием сюжета об Алексее человеке божием в «Вечере душевной» Симеона Полоцкого, в «Трубах словес» Лазаря Барановича, в рукописном наследии Стефана Яворского. Здесь, наконец, предложен анализ стихотворства и драматургии на эту тему (украинский «побожный» кант, вошедший потом в «Богогласник», две великорусские силлабические песни, прекрасная латинская элегия Феофана Прокоповича; киевская драма «Алексей человек божий» 1672—1673 гг., спектакли школьного театра и театра иезуитов).

В магистерской диссертации В. П. широко привлечены фольклорные материалы. Используя 74 варианта духовного стиха об Алексее человеке божием, В. П. установила, что все они восходят к одному архетипу, основным источником которого было древнее житие св. Алексея (тип «Златоструя»). Духовный стих, как доказывает В. П., был сложен в XVII в., когда Алексей человек божий — небесный патрон странноприимного и нищелюбивого царя Алексея Михайловича — приобрел чрезвычайную популярность среди «калик переходных».

Некоторые темы, касающиеся культуры XVII в. и намеченные в магистерской диссертации, были продолжены В. П. в 20-е годы. Это — стихотворство и старинный театр. В небольшой статье «Из начального периода русского стихосложения»⁵ В. П. очень весомо высказалась по принципиальному вопросу, который до сей поры занимает историков и теоретиков русской поэзии. Речь идет о соотношении «относительного силлабизма» и рифмованной прозы, столь пышно расцветшей в Смутное время. Указав старейшие образцы рифмованной прозы (она, вне всякого сомнения, подготовила московского читателя к восприятию «двострочных согласий»), В. П. все же исходила из убеждения, что процессы развития ритмической и рифмованной прозы, с одной стороны, и силлабической поэзии — с другой, были параллельными и не связанными генетически. Эта мысль была подтверждена позднейшими исследованиями.

В 1928 г. в издательстве «Academia» под редакцией В. Н. Всеволодского-Геринграсса вышел сборник статей «Старинный спектакль в России». В. П. опубликовала в нем две работы: библиографию русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв. (здесь учтены все издания

⁴ В. П. Адрианова. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пгр., 1917.

⁵ ИОРЯС за 1921 г., т. XXVI, Пгр., 1923, стр. 271—276.

и исследования памятников до 1928 г.)⁶ и большую статью «Сцена и приемы постановки в русском школьном театре».⁷ Эта статья — уникальный экскурс в сценическую историю русского школьного театра. Используя, во-первых, европейские театральные руководства XVII в. и, во-вторых, ремарки школьных драм, В. П. подробно описала декорации и костюмы, сценические эффекты и театральную бутафорию, реконструировала приемы работы первых русских режиссеров-«хорегов».

В 30-е годы литература XVII в. становится центральной темой В. П. Именно на эти годы приходится одно из главнейших ее научных открытий — открытие «демократической сатиры» как мощного и самостоятельного художественного течения, противостоящего официальной и официальной культуре.

Поверхностный наблюдатель в этом открытии может усмотреть некое противоречие. Дело в том, что школа В. П. Перетца отрицала «оценочное» литературоведение. Основатель этой школы учил не искать шедевров и тем более ими не ограничиваться; он призывал усердно заниматься «средней» и массовой продукцией, которая для истории культуры не менее важна, чем из ряда вон выходящие памятники. По-видимому, этот постулат, вполне усвоенный В. П., сыграл свою роль при обращении к посадской полуфольклорной сатире. Между тем открытие демократической сатиры потому и стало громадным научным событием, что читатель получил тексты высокого художественного качества. Это было не собрание музейных экспонатов, любопытных своей древностью и экзотичностью, но мертвых, оставляющих равнодушным современного человека, — нет, это было истинное искусство.

Однако противоречие между исходным принципом и конечным эффектом в данном случае лишь кажущееся: специалист знает, что случайные открытия весьма редки. Любая находка — результат скрупулезной, углубленной, иногда подвижнической работы над рукописями. В этом смысле постулат школы В. П. Перетца выдержал проверку временем. Кроме того, непреходящая ценность демократической сатиры стала очевидной лишь тогда, когда В. П. был выявлен весь комплекс памятников этого разряда. Разрозненные произведения, и до того известные в научном обиходе, прежде казались чем-то случайным и непродуктивным.

Тексты и исследования демократической сатиры В. П. публиковала в ТОДРЛ, начиная с т. I. Суммарное изложение этой темы было дано ею в нескольких монографиях, которые тотчас по выходе становились хрестоматийными.⁸ Теперь, когда от этих работ В. П. нас отделяет несколько десятилетий, мы можем в полной мере и непредвзято их оценить. И оценка будет самой высокой.

Достоин всяческой похвалы тот специалист, кому удастся внести в историю литературы новые и существенные штрихи. Но неизмеримо

⁶ Из библиографических трудов В. П. к XVII в. имеют отношение также соответствующие разделы подготовленной ею вместе с В. Ф. Покровской книги: Древнерусская повесть. Вып. 1. Библиография истории древнерусской литературы. М.—Л., 1940.

⁷ Этой теме посвящена также заметка В. П. «Сцена та костюм в українському театрі XVII—XVIII вв.», напечатанная в журнале «Україна» (кн. 3, 1925, стр. 88—107).

⁸ «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира второй половины XVII века. М.—Л., 1936; Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937; Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статьи и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»).

выше заслуга ученого, который коренным образом меняет сложившиеся представления о литературном движении той или иной эпохи.

XVII столетие исполнено драматизма; не случайно его назвали «бунташным» веком. История культуры этого периода также строилась контрастно: отмечались противоречия между староверием и официальной церковью, между западничеством и старомосковством, затем между латиноязычными и практиками кальвинистского толка. Однако из этой цепи контрастов выпадали посад и грамотное крестьянство. Им, конечно, отводилась определяющая роль в фольклорной традиции; но относительно писаной литературы они выступали только в качестве потребителей. Заслуга В. П. в том и состоит, что она развеяла иллюзию о молчании низов. Эти низы — площадные подьячие, стрельцы, бедное духовенство — заговорили независимым и свободным языком сатиры и пародии. Это открытие по-новому осветило суть культурного перелома, который произошел в XVII в.

«Перелом объяснялся исследователями сменой влияний, — писала В. П. — Вместо Византии учителем литературы (как и всей якобы культуры) стал Запад. Выступая против такого объяснения, принимающего следствие за причину, советские литературоведы и вопрос о переломе в литературе XVII в. решают в свете его обусловленности историческим процессом. Получив возможность значительно расширить самый круг литературных произведений, характеризующих литературное творчество и читательские интересы разных слоев русского общества XVII в., советские литературоведы проследили за тем, как накапливались новые явления в литературе с первого десятилетия XVII в., подготавливая качественный перелом в ней, наступивший в обстановке городских и крестьянских восстаний середины века. Интерес к западной культуре, в том числе и к литературе, в этой обстановке был лишь следствием этого перелома, а не его причиной, и действительно, новое в литературе было создано вне влияния Запада».⁹

В пересмотр объема и смысла литературного движения XVII в. чрезвычайно весомый вклад внесла В. П.

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Предисловие в кн.: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. Составила Н. Ф. Дробленкова. М.—Л., 1961, стр. 12—13.